

Теоретические тупики новой экономической политики

Юрий С. Бегма

компания BBGroup, Москва, Россия, stylusla@yandex.ru

Елена В. Зенкина

Институт экономики РАН, Москва, Россия, evznkina@mail.ru

Аннотация. Новая стратегия внешнеэкономической политики России на укрепление суверенитета и независимости от внешнего давления во многом противоречит принципам рыночной экономики. С этим связаны трудности решения возникающих проблем развития российской экономики.

Ключевые слова: рыночная экономика, бюджет, денежная система, валюта, вывоз капитала, налоговая система

Для цитирования: Бегма Ю.С., Зенкина Е.В. Теоретические тупики новой экономической политики // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2020. № 2. С. 57–69. DOI: 10.28995/2073-6304-2020-2-57-69

Theoretical deadlock of the new economic policy

Yurii S. Begma

BBGroup company, Moscow, Russia, stylusla@yandex.ru

Elena V. Zenkina

*Russian Academy of Sciences (RAS), Institute of Economics, Moscow, Russia
evznkina@mail.ru*

Abstract. The new strategy of Russia's foreign economic policy aimed at strengthening the sovereignty and independence from external pressure is largely contrary to the principles of a market economy. Because of that the related difficulties arise in solving emerging challenges in the development of the Russian economy.

Keywords: market economy, budget, monetary system, currency, capital export, tax system

For citation: Begma, Yu.S. and Zenkina, E.V. (2020) "Theoretical Deadlock of the New Economic Policy", *RSUH / RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series*, no 2, pp. 57-69, DOI: 10.28995/2073-6304-2020-2-57-69

Введение

Сегодняшний мир нестабилен. Общепризнанная модель формирования глобальной мирохозяйственной системы, в которую должны были постепенно интегрироваться на основе международного разделения труда все страны, претерпевает кризис. Исчезают прежние международные союзы и объединения, отвергаются принятые нормы и принципы мирохозяйственных взаимоотношений, подвергаются ревизии устоявшиеся понятия теоретических моделей мировой экономики. Активную роль в этом процессе играет Россия, возглавляющая политическую борьбу за построение многополюсного мира. Идеологическая направленность внешнеполитических решений России на утверждение своего суверенитета и противостояния экономическому подчинению страны правилам и нормам «однополярного мира», сложившимся к концу прошлого века, с одной стороны, каким-то странным образом совмещается с сохранением либеральной идеологии интеграции национальной экономики в систему мирохозяйственных связей на принципах международной специализации производства – с другой.

В современном мире США действительно превосходят все остальные страны и в экономическом, и в военном, и производственно-технологическом плане, навязывая остальному миру по-своему понимаемые стабильность и порядок (в соответствии с концепцией «гегемонистской стабильности» Ч. Киндлбергера¹, развивающей идеи Р. Гилпина² о международных отношениях как определенном виде подчинения). История пока подтверждает его теоретические положения о стабильности международной системы в «фазе господства гегемона». Однако такая стабильность не способна продолжаться вечно в силу изменчивости (цикличности) общественного развития. Неизбежно происходит замена «гегемона», которая и наблюдается сегодня в мире.

Бурный рост экономики Китая, которая практически сравнялась с экономикой и США и Европейского Союза (единство которого также подорвано сегодня «брекситом» – решением Великобритании выйти из этого союза), привел к «торговой войне» между

¹ *Kindleberger Ch.P.* Hierarchy versus inertial cooperation [Электронный ресурс] // International Organization. 1986. № 4 (40). P. 841–847. URL: http://journals.cambridge.org/abstract_S0020818300027399 (дата 15 декабря 2019).

² *Gilpin R.G.* No one loves political realist [Электронный ресурс] // Security Studies. 2007. № 5:3. P. 3–26 URL: <https://dx.doi.org/10.1080/09636419608429275> (дата 15 декабря 2019).

Китаем и США. Теряющий превосходство гегемон пытается удерживать свое господство всеми доступными силами.

В классической парадигме мировой экономики ведущую роль играл ресурсно-производственный потенциал страны, который предопределял объективные предпосылки ее развития и ее место в системе международных экономических отношений [Мировая экономика 2019]. Внешнеторговому обороту отводилась роль вспомогательного канала, через который страны обменивали излишки своей товарной продукции, расширяя потребительский рынок и способствуя развитию национального производства.

В более поздних моделях товарообмен перерос в международную специализацию производства, вывоз товаров дополнился вывозом капитала, организацией транснациональных и международных корпораций, что обусловило появление новых понятий и определений, но парадигма сохраняла общую трактовку развития международных экономических отношений как дополнительное средство улучшения национальной экономики.

Виртуализация экономики меняет материализованную иерархию международных товарных потоков в сетевую структуру финансово-информационных взаимосвязей стран. В такой сети функциональная роль страны и перспективы ее развития определяются не столько ее ресурсным потенциалом и объемом внешнеторговых товарных потоков, сколько ее вовлеченностью в регулирование финансово-информационных потоков этой структуры [Зенкина 2019].

Определяющим фактором развития мировой экономики становятся права и военно-политические возможности государства отстаивать свои принципы, ценностные установки, нормы и правила регулирования взаимоотношений с другими государствами при решении глобальных проблем человечества, в том числе в использовании дефицитных ресурсов жизнеобеспечения. Задачи и функции государства в современной мировой экономике сместились на военно-политические аспекты взаимодействия стран, что должно находить отражение и в теоретических моделях.

По мере укрепления политической независимости России выявляются одновременно трудности решения другой задачи – ускорение экономического роста страны. Проблема ее решения обусловлена прежде всего тем, что страна объективно уже интегрирована в систему мирохозяйственных связей, а это плохо согласуется с попытками формирования независимости ее внешнеэкономической политики. И вряд ли сегодня российские банки смогут без больших потерь выйти из системы SWIFT или отказаться от биржевой торговли ценными бумагами (которая полностью контролируется ведущими западными странами во главе с США),

и уж тем более отказаться от технологий Интернета и мобильной связи западных компаний. А кроме того, господствующая концепция экономического развития России опирается на либеральную идеологию рыночных отношений (достаточно посмотреть на положения ст. 2, 7, 17 Конституции РФ). Рассчитывать на быструю концептуальную смену сложившейся государственной экономической политики пока не приходится.

Конечно, говорить о свободном рынке в условиях России с ее сегодняшней мощной системой государственного контроля всех крупных корпораций было бы преувеличением. Но поиски эффективных мер по выводу российской экономики из затянувшейся стагнации ведутся в рамках традиционного инструментария либеральных моделей именно рыночного хозяйства. Что, собственно, и порождает провалы большинства заявленных планов и проектов, включая создание 25 млн высокотехнологичных рабочих мест, обеспечение жильем молодых семей, преодоление к концу 2019 г. бедности, вывод ВВП страны в число пяти ведущих в мире, реализация национальных проектов и т. д.

Наименее подготовленной к реализации новой программы «укрепления суверенной независимости», безусловно, оказывается банковская система России во главе с ЦБ РФ, регулирующим валютные операции и денежное обращение в стране. Двадцатилетие интеграции российской экономики в мировое хозяйство, по правилам и процедурам, навязанным коллективным Западом, сказалось прежде всего на формировании финансовой системы. Этому способствовало, во-первых, быстрое возрастание роли финансовой сферы в мировой экономике (что дало основание определять современную мировую экономику как «финансовую экономику»). А во-вторых, виртуальная природа денег и финансовых активов, облегчая международные трансферты, способствовала более быстрой адаптации российских банков к развивающейся международной банковской системе.

Для России роль валютных банковских операций оказалась особенно значимой из-за высокой доли экспортных (валютных) доходов в бюджете страны, особенно в годы реформирования национальной экономики и высокой прибыльности спекулятивных сделок (из-за разницы в процентных ставках) с использованием зарубежных кредитов.

Валютный доход не привел, как это ни парадоксально, к росту благосостояния страны, а породил серьезную проблему не допустить роста курса рубля, от которого зависит доходность экспорта. Из-за необходимости выполнять требование МВФ не мешать свободной рыночной конвертации валют ЦБ РФ пришлось «стери-

лизовать» от внутреннего рынка часть валютной выручки за рубежом в форме «резервного фонда», невнятно объясняя это необходимостью «защиты от риска возможного снижения мировых цен». ЦБ не рискует увеличивать рублевую массу, выкупая валюту (вместо того чтобы накапливать доллары), так как это чревато ростом потребительских цен. В интересах сдерживания инфляции сохранялась и относительно высокая процентная ставка. Такая политика Центрального банка в условиях продолжительной стагнации российской экономики порождает все более усиливающуюся сегодня критику, обвиняя банк в недостаточных инвестициях, поскольку традиционные макроэкономические модели напрямую связывают объем кредитов с уровнем банковской процентной ставки.

Но теоретические предложения российских финансистов замыкаются на поисках путей преодоления классического «тройственного противоречия» денежной политики в стране с либеральной рыночной экономикой. Нельзя в принципе вводить режим свободного трансграничного перемещения капитала, сохранять при этом стабильный курс валюты и одновременно проводить эффективную внутринациональную денежную политику, т. е. влиять при помощи процентных ставок на инфляцию и рост экономики. В сущности, регулирование и банковской процентной ставки, и режима валютной конверсии в России далеки от теоретических моделей монетаристов, и проблемы денежной политики в России практически решаются средствами нерыночного регулирования. Низкая эффективность этой политики обусловлена, прежде всего, тем, что банковские специалисты не учитывают разницу между коммерческими и инвестиционными деньгами. Для них существует единая однородная денежная масса, объем которой реально влияет на уровень инфляции и обращение которой, в свою очередь, зависит от притока зарубежной валюты и от изменения банковской процентной ставки. А фактически инвестиционные деньги отличаются от фиатных и банковских кредитных денег тем, что они функционально привязаны к реальным (вещественным) инвестиционным товарам, промышленным ресурсам производства, и их эмиссия и обращение должны определяться оборотом этих реальных ценностей.

К тому же состав денежной массы качественно изменился: к прежним фиатным и банковским кредитным деньгам добавились финансовые активы, которые как титулы собственности или носители долговых обязательств используются в качестве специфических фидуциарных платежных средств.

Условия обращения валюты и ценных бумаг на бирже как товаров международного обращения постепенно унифицируются. Появившиеся многочисленные финансовые деривативы завершили

превращение денежной массы из инструмента товарообмена в объект торговой спекуляции, их можно арендовать, купить или продать с отсроченной поставкой на какое-то время. А внедрение в денежный оборот криптовалют окончательно доказало фактическую несостоятельность сохраняющихся в арсенале государственной экономической политики прежних теоретических моделей мировой денежной системы и используемых методов денежной политики.

Не остается в стороне от критики и продолжающийся вывоз за рубеж российского капитала, заклеемный почти официально «бегством», лишаящим страну возможности финансирования промышленных инвестиционных проектов. В обществе активно предлагаются радикальные меры борьбы средствами прямого законодательного или административного ограничения валютных трансграничных переводов, что, естественно, противоречит желанию финансовых властей России сохранить имидж либерального государства, поддерживающего режим свободного рыночного обращения капитала.

В рамках принятой сегодня парадигмы мировой экономики движение капитала объясняется просто экономическими выгодами перемещения излишков капитала в точки, где капитал в условиях дефицита может повысить свою доходность. Теоретическая модель логично объясняет мотивы перемещения капитала разницей в его стоимости и условий окупаемости, что в упрощенной форме отражается в разнице банковских процентных ставок. Импорт иностранного капитала позволяет странам увеличить инвестиции, стимулировать потребительский спрос, покрыть расходы на социальные нужды при дефиците бюджета и т. п., правда, при условии гарантии прав иностранной собственности.

Специфика России заключается как раз в том, что после политически необходимой борьбы с жульнической приватизацией, оправданной, однако, законодательно, социально справедливые решения нарушили либеральные принципы неприкосновенности собственности и подорвали доверие западного бизнеса к правовой системе России. И это несмотря на очевидную несостоятельность законодательства, навязанного России в годы ее либерального реформирования. Поэтому приток иностранного капитала направлялся в основном в краткосрочные спекулятивные операции на российских биржах и в межбанковские кредиты, позволяющие российским банкам зарабатывать на разнице в кредитных процентных ставках. Да и российский бизнес ввозил в страну ранее вывезенный капитал, в основном, в форме капитала зарубежных инвестиций своих же заграничных фирм, выражая тем самым неуверенность в правовой защите своей собственности.

Такой механизм трансграничных движений капитала в России, очевидно, отличается от общепринятой теоретической модели международного движения капитала (в поисках более высокой прибыли на мировых рынках, опираясь на свободную рыночную конкуренцию). Очевидно, что исправить действующую модель регулирования трансграничного движения капитала в России, достаточно далекую от идеальной, тем более опираясь на рецепты устаревшей парадигмы, вряд ли получится.

Одна из важнейших задач, заявленных в рамках укрепления государственного суверенитета, – уменьшить зависимость (а в идеале – избавиться от нее) своих валютных операций от доллара, включая не только формирование резервных фондов, но и проведение текущих валютных расчетов, опираясь на стабильное обращение рубля как внутри страны, так и за рубежом. Эта задача, к сожалению, не получила необходимого обсуждения, хотя ясно видны и практические и теоретические трудности в ее реализации.

Взаимные курсы национальных валют рассчитываются по соотношению их биржевых котировок на базе мировых резервных валют. Такими валютами сегодня считаются доллар, евро и – (в силу не экономических оснований, а скорее – исторических традиций) – фунт стерлингов. Эти валюты, в принципе, служат общепризнанной базой оценки относительных курсов национальных валют. Практически чаще всего применяется привязка к доллару, тем более что большинство цен на сырьевые товары котируются на мировых рынках именно в долларах. Доллар считается наиболее надежным средством для формирования долгосрочного резерва.

Демонстративный отказ России признавать ключевую роль доллара в международном денежном обращении отвечает характеру внешней государственной политики, но не согласуется, однако, с интересами экономической политики. Отказ от привязки курса рубля к признанной резервной валюте сразу обостряет проблему соизмерения рубля с другими национальными валютами.

В этих условиях отказ от доллара как резервной валюты, может быть, и менее функционального, чем золото, но все же (и это – главное) признаваемого мировым сообществом, вряд ли будет способствовать стабильности мировой валютной системы. Для отдельных сделок можно, конечно, использовать другую резервную валюту или вести расчет по покупательному паритету на базе собственной потребительской «корзины», но это все – частные паллиативные решения. И они не решают, к сожалению, фундаментальной проблемы международной экономики – соизмерения фактической ценности национальных продуктов рыночного обмена. Очевидно, что на сегодняшний день ни положение рубля в мировой валют-

ной системе, ни перспективы развития российской экономики не позволят в ближайшем будущем использовать рубль в качестве резервной валюты. Предложения о необходимости вести торговлю российскими энергоресурсами, используя расчеты российскими рублями (что, по мнению ряда специалистов, вынудит многие страны накапливать рублевые резервы), не представляются достаточно основательными.

Бесспорно, можно упомянуть о предложениях сформировать единую «расчетную» валюту на базе национальных валют стран, входящих в Евразийский экономический союз, или СНГ, или АСЕАН, опираясь на достаточно сильную валюту Китая, в виде, например, «рюаня» или «АРВ», аналогично евро. Можно, по-видимому, использовать также «международный» режим функционирования национальных валют, включая российский рубль, например, «оствалют», аналогично режиму евровалют. Преимущество функционирования такой валюты заключается в возможности автоматического регулирования массы эмитируемых денежных средств.

Возможным решением может быть и переход на «умные контракты», использующие криптовалюты (с возможностью их последующей конверсии в фиатные деньги). Эмиссия и обращение криптовалют вообще может происходить вне банковской системы и вне государственного контроля. Криптовалюта схожа с фидуциарными деньгами: ее ценность также зависит от доверия к эмитенту, сфера и масштабы обращения определяются уровнем ее признания и спроса в обществе.

Но необходимо еще раз подчеркнуть, для реализации политического решения российских властей ограничить использование доллара нужно все-таки найти теоретическое решение определения ценности национальных денег и предложить приемлемый для других стран механизм их соизмерения.

Концептуальные неточности новой экономической политики затрагивают и систему внутринационального налогообложения, достаточно далекую от теоретических проблем внешнеполитических решений России. Но, во-первых, налоги формируют важную часть бюджета. А во-вторых, налоговая политика определяет атмосферу социальной стабильности – важнейшей предпосылки успешной реализации новой экономической стратегии. Мера налогового обложения зависит от величины государственных расходов и меняется в зависимости от их роста. Так, финансирование масштабных инфраструктурных проектов (Олимпиады 2014 г., саммита АТЭС 2012 г., Чемпионата мира по футболу 2018 г.) потребовало поиска новых дополнительных источников доходов, что привело в последние годы к заметной активизации работы по

совершенствованию налоговой системы России с целью диверсифицировать источники налоговых отчислений и более жесткому администрированию.

Общая концепция развития экономики России определяет соответствие российской системы налогообложения классическим положениям идеологии рыночной экономики А. Смита и Д. Рикардо, которые рассматривали налоги сугубо как источник финансирования государственных расходов, подчеркивая «нейтральность» налогов по отношению к государственной экономической политике, т. е. система налогообложения не должна влиять на эффективность размещения ресурсов.

Это фундаментальное положение общей либеральной модели рыночной экономики было теоретически обосновано нобелевским лауреатом Д. Стиглицом (а также, в несколько в другой формулировке, другим либеральным экономистом, идеологом монетаризма М. Фридменом, который считал, что задача налогообложения изъять «лишние» деньги, не участвующие в развитии экономики и тем самым «тормозящие ее»). Он показал, что теоретически только такая либеральная налоговая система, опирающаяся на экономически обоснованные возможности налогоплательщиков, исключая произвольное изменение налоговой нагрузки и управленческий диктат, способна обеспечить стабильное функционирование государства. И это формально признается экономическим сообществом России.

С другой стороны, к налоговой системе постоянно предъявляется требование активного участия в оптимизации экономики, использования дифференцированных ставок и различных льгот в интересах текущих задач социальной политики, решения проблем бюджетного дефицита. При обсуждении направлений развития налоговой системы подчеркивается, что для поддержания принятой Россией стратегии независимого социально-экономического развития страны необходимо подчинить бюджетно-налоговую политику обеспечению устойчивого экономического роста, созданию конкурентного бизнеса, а не только повышению бюджетных доходов и снижению рисков бюджетных дисбалансов. В классических (и кейнсианских) моделях рыночной экономики ведущая роль развития принадлежит потребительскому спросу, подстегивающему производство. Сбалансированное развитие экономики опирается на устойчивый баланс спроса с предложением товаров потребления. Причем налоги затрагивают доходы и потребителей, и поставщиков товаров потребительского рынка, но эффекты этого воздействия различны. Специфическая структура внешнеторгового оборота и пореформенный спад промышленного производства

в стране сказались на структуре потребительского рынка и на характере его развития.

Доходы работников экспортных отраслей достаточно высокие, но доля их на рынке потребления не очень высока. Поэтому властные структуры России, и тем более владельцы предприятий (или управляющие менеджеры ряда крупнейших нефтяных и газовых госкомпаний) не очень озабочены общенациональным балансом спроса и предложения. Они заинтересованы скорее в сохранении низкого курса рубля, обеспечивающего прибыльность экспорта, который облегчает импорт зарубежной продукции. Вопреки широко известным положениям теории о возможном сокращении импорта из-за неизбежного роста цен на импортные товары (в условиях слабой национальной валюты), в России, с практически разваленной промышленностью, национальная продукция не может выступать конкурирующим сдерживающим фактором для импорта. Более того, относительно высокие цены на импортные товары стимулируют развитие национального производства.

Развитие национального агропромышленного производства (хотя и существенно субсидируемого государством) может служить наглядным примером благотворного влияния относительно дорогих импортных товаров. Правда, высокие цены увеличивают стоимость потребительской корзины и снижают, в конечном счете, уровень жизни населения. Но национальные производители потребительской продукции (агропромышленности, рыбного хозяйства, бытовой электроники), идущей хотя бы частично на экспорт, также, как и экспортеры минерального топлива, заинтересованы в первую очередь в экспортных доходах и гораздо меньше – в поддержании жизненного уровня населения.

Избегая введения новых налогов (которые должны утверждаться законодательно, проходя длительную процедуру согласования в Госдуме), налоговая служба для увеличения отчислений в бюджет стала использовать повышение ставок и внедрение новых видов обязательных платежей, различных сборов и штрафов и одновременно (особенно в последние годы) значительно ужесточила методы администрирования сбора налогов. Цифровая технология и тотальная компьютеризация налогового учета обеспечили резкий рост налоговых сборов, существенно превышающих рост ВВП и реальных доходов населения, что однозначно свидетельствует об усилении налогового бремени на население страны. Ведь до сих пор бытуют упрощенные представления об уровне налогового бремени, которое отождествляется с фактическим перечислением платежей в бюджет. Наполнение бюджета – показатель, по которому оценивается эффективность работы налоговой службы, не учитывает

упущенную выгоду и косвенные потери бизнеса от сокращения инвестиций, а также потерю мотивации к получению дополнительного дохода у мелких предпринимателей, психологическую апатию и склонность к социальному иждивению массы потребителей.

Высокое налогообложение трудовых доходов может приводить к отказу от поиска дополнительных заработков, более раннему выходу на пенсию, а также к увеличению времени на обучение. Рост акцизов на те или иные виды товаров побуждает производителей и потребителей замещать его другой суррогатной продукцией, а зачастую – дешевыми фальсификатами. Очевидно, что и недавнее предложение Минфина ввести пониженный налог (3%) на доходы «самозанятых» с целью легализовать их услуги, вывести их из «теневого экономика» с регистрацией их доходов посредством «онлайн-касс», вряд ли будет принято населением, не доверяющем государству (которое в последние годы достаточно часто меняет правила налогообложения).

Реформы администрирования сборов налогов не привело (да и не могло привести) к созданию эффективного фискального механизма, реализующего принцип справедливости налогообложения и предоставляющего возможности развивать производство. О таком потенциале налоговой политики в отношении ряда отраслей неоднократно говорили специалисты. Но такая задача выходит за рамки ведомственных интересов налоговой службы, несущей административную ответственность только за пополнение бюджета.

Рыночные отношения предполагают относительную самостоятельность (автономию интересов и ответственности) хозяйствующих субъектов – корпораций, предприятий, ведомств, регионов, что при жестком административном регулировании и кадровом контроле крупных хозяйствующих субъектов ведет к появлению своеобразной «шизофрении» в принятии экономических решений, когда управление подчиняется общегосударственной политике, а итоги хозяйственной деятельности – интересам частных собственников.

Национальное хозяйство России, контролируемое сегодня через бюджетное распределение средств, выглядит не как сообщество независимых производителей и потребителей, а представляется скорее единой корпорацией, в которой доход (в бюджет) обеспечивается группой крупнейших экспортеров, а расходы порождаются трансфертами большинству дотационных регионов с разрушенными (в годы рыночных реформ) промышленными предприятиями и низкими зарплатами основной массы населения.

С точки зрения властных структур зарплата всех наемных работников (как, впрочем, и доходы населения в целом) является ча-

стью общих расходов, которые несет государство как фактический собственник национального хозяйства. Чем меньше зарплата, тем более эффективной выглядит деятельность компаний, обеспечивающих доходы бюджета (и прежде всего крупных экспортеров, контролируемых все теми же властными структурами). Их вклад в бюджет не зависит от зарплаты работников. Деятельность же среднего и малого бизнеса мало сказывается и на международном имидже страны, и на оценке доходности национального хозяйства. Региональная промышленность требует, как правило, дотаций, к которым просто добавляются затраты на зарплату, и в плане бюджета представляет объект управления сугубо внутринациональной политики.

Величина и динамика спроса, определяемые доходами населения, практически слабо связаны с возможностями национальных производителей. Практически сегодня государство покрывает спрос за счет импортных поставок. Ключевым фактором регулирования баланса оказываются доходы экспорта и доходы населения (включающие зарплату и перераспределяемые бюджетом выплаты пенсий и пособий). Предлагать в этих условиях (в соответствии с действующей парадигмой рыночной экономики) рост зарплаты или льготы предпринимателям как средство стимулирования роста экономики – значит противоречить сложившейся системе государственного контроля и управления экономикой страны, где низкая зарплата вполне совмещается с политикой бюджетно-налогового перераспределения средств с сохранением дорогостоящего импорта. Практически преодолеть это внутреннее противоречие управления национальным хозяйством без обновления концептуальной модели вряд ли удастся.

Литература

- Зенкина 2019 – *Зенкина Е.В.* Международные валютно-финансовые отношения в постиндустриальном мире: Монография. М.: ИНФРА-М, 2019. 169 с. (Научная мысль)
- Мировая экономика 2019 – *Мировая экономика: Учеб.* / Щербанин Ю.А., Зенкина Е.В., Толмачев П.И., Грибанич В.М., Дрыночкин А.В., Королев Е.В., Кутовой В.М., Логинов Б.Б. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юнити-Дана, 2019. 503 с.

References

- Shcherbanin, Yu.A., Zenkina, E.V., Tolmachev, P.I., Gribanich, V.M., Drynochkin, A.V., Korolev, E.V., Kutovoi, V.M. and Loginov, B.B (2019), *Mirovaya ekonomika* [World Economy], Uchebnik, 5th ed., revised and enlarged, Yuniti-Dana, Moscow, Russia.

Zenkina, E.V. (2019), *Mezhdunarodnye valyutno-finansovyie otnosheniya v postindustrial'nom mire* [International monetary and financial relations in the post-industrial world], INFRA-M, Moscow, Russia. (Nauchnaya mysl')

Информация об авторах

Юрий С. Бегма, кандидат экономических наук, доцент, компания BBGroup, Москва, Россия; 117461, Москва, Севастопольский проспект, д. 83/1; stylusla@yandex.ru

Елена В. Зенкина, доктор экономических наук, доцент, Институт экономики Российской академии наук, Москва, Россия; 117218, Москва, Нахимовский пр., д. 32; evzenkina@mail.ru

Information about the authors

Yurii S. Begma, Cand. of Sci. (Economics), BBGroup company, Moscow, Russia; bld. 83/1, Sevastopolskii Avenue, Moscow, Russia, 117461; stylusla@yandex.ru

Elena V. Zenkina, Dr. of Sci. (Economics), Russian Academy of Sciences State Budgetary Institute of Economics, Moscow, Russia; bld. 32, Nakhimovskii Avenue, Moscow, Russia, 117218; evzenkina@mail.ru